

На протяжении всего XIX века роль русско-немецкой торговли постоянно усиливалась. Кёнигсберг приобрел такое значение для двусторонних экономических связей, что его полусерьезно стали называть «русским портом»: три четверти его морского вывоза составляли товары русского происхождения. Российский консул Фридрих Вышемерский в 1880 году писал, что экономическое благополучие столицы Восточной Пруссии зависит от торговли со своим восточным соседом: «Неурожай в России — и все дела здесь почти прекращаются».

Ю. Костяшов

Юрий Костяшов
(Калининград)

РУССКИЕ НА ВОСТОЧНОЙ ЯРМАРКЕ В КЁНИГСБЕРГЕ

*З*частие россиян в различных восточнопрусских ярмарках было давней традицией. Первый русский консул в Кёнигсберге Иван Исаков в донесении 1785 года дал подробное описание кёнигсбергских ярмарок, на которые, по его словам, «съезжается из разных мест довольно число купцов». Особенно ему бросилась в глаза активность своих соотечественников, которые торговали традиционными русскими товарами: пушниной, кожами, черкасскими овчинами, оренбургскими тулупами, пенькой, парусиной, конопляным маслом, икрой, битыми тетеревами и рябчиками, топленным салом, свечами, а также оленьими рогами. При этом консул подчеркивал, что россияне «против всех наций преимущества имеют, потому что с привозимых товаров или продуктов никаких пошлин не платят» [1, с. 73–74].

На протяжении всего XIX века роль русско-немецкой торговли постоянно усиливалась. Кёнигсберг приобрел такое значение для двусторонних экономических связей, что его полусерьезно стали называть «русским портом»: три четверти его морского вывоза составляли товары русского происхождения. Российский консул Фридрих Вышмерский в 1880 году писал, что экономическое благополучие столицы Восточной Пруссии зависит от торговли со своим восточным соседом: «Неурожай в России — и все дела здесь почти прекращаются» [2, с. 92–94].

На рубеже XIX–XX веков сюда из России по железной дороге прибывали ежедневно по 400–500 вагонов с грузами [3, с. 2–3]. По свиде-

тельству консула в Мемеле Сергея Протопопова, вся лесная промышленность Восточной Пруссии «существует исключительно за счет русского леса», который служит сырьем для 31 деревообрабатывающего завода [4, с. 68].

Впрочем, по мнению многих, торговый обмен не всегда имел взаимовыгодный характер. Об этом, например, писал посетивший Кёнигсбергскую ярмарку в 1893 году Вас. И. Немирович-Данченко, ныне совсем забытый, а некогда необычайно популярный писатель, опубликовавший при жизни 80-томное собрание сочинений. На выставке он «не увидел ничего особенного»: ярмарочные павильоны построены «прочно и еще более некрасиво, точно попал в кабинет к Собакевичу». «Кёнигсберг работает дешево, но скверно», — восклицает писатель, характеризуя низкое качество представленных на ярмарке товаров местных производителей. «Из Кёнигсберга, — продолжает он, — к нам идут вина, фабрикующиеся здесь из рейнвейна. Существует целая наука, как из плохонького писспортера или цельтингера¹ приготовить хорошее токайское вино или превосходную мадеру, сделавшую, якобы, путешествие в Индию и обратно, прежде чем вам ее со всевозможной помпой золоченых пробок и этикеток подадут в петербургском или московском ресторане. Тут же готовят и самые настоящие шампанские вина, даже во сне не видевшие Шампани» [5, с. 15–16, 26–27].

Ироничные комментарии русского писателя, Впрочем, не противоречат тому очевидному факту, что своим экономическим благополучием Кёнигсберг и Восточная Пруссия были обязаны прежде всего торговле с Россией. В начале XX века здесь предприняли беспрецедентные меры по реконструкции и модернизации портовых сооружений и транспортной системы. На берегах Преголи и в прибрежных гаванях были построены огромные склады, зернохранилища, холодильники, оборудованные по последнему слову техники, в результате чего производственные мощности кёнигсбергского порта возросли в несколько раз [6, с. 5–6].

Первая мировая война и революция в России привели к разрыву складывавшихся веками экономических связей. Вместе с тем международная изоляция, в которой оказались оба государства к началу 1920-х годов, объективно способствовала их новому сближению. Благоприятные политические рамки для восстановления двусторонних отношений были созданы после заключения 16 апреля 1922 года Рапальского договора, который среди прочего предусматривал введение принципа

¹ Pissporter, Zeltinger — сорта недорогих столовых вин.

наибольшего благоприятствования во внешней торговле двух стран, а также открыл дорогу для возобновления работы российского консульства в Кёнигсберге [7, с. 223–224].

Одно из своих первых донесений в 1929 году из Кёнигсберга советский генеральный консул Г. К. Меерзон начал такими словами: «Едва ли найдется еще какая-нибудь провинция в Германии, где интерес к СССР был бы так велик, как в Восточной Пруссии» [8, д. 45, л. 50]. Об этом же писала председатель Всесоюзного общества связи с заграницей О. Д. Каменева (сестра Л. Д. Троцкого): «Кёнигсберг, после Берлина, самый яркий уголок в Германии в смысле связи с нами» [Там же, д. 50, л. 93–94 об.]. Такие оценки особенно впечатляют, если иметь в виду, что советские официальные лица одновременно не уставали повторять, что «Восточная Пруссия – самая реакционная германская провинция» [Там же, д. 33, л. 8–8 об.].

Действительно, ни одна германская провинция не была так заинтересована в нормализации и развитии сотрудничества с Советами, как Восточная Пруссия. Версальский договор, превративший ее в германский эксклав на Востоке, чрезвычайно осложнил экономическое положение края. Местная политическая и хозяйственная элита при поддержке берлинских властей попыталась найти выход в интенсификации региональных экономических связей. Главным инструментом этого курса решено было сделать представительную международную ярмарку, ориентированную на страны бассейна Балтийского моря, Центральной и Восточной Европы.

С этой целью летом 1920 года учредили комитет для организации Германской восточноевропейской ярмарки в Кёнигсберге (Восточной ярмарки – Ostmesse). Первоначально ярмарка устраивалась дважды в год, в конце зимы и лета, затем (с 1929 года) стала ежегодной и проходила в августе в течение нескольких дней. Она располагалась на месте старых го-

Рис. 1. Афиша XX Германской восточной ярмарки в Кёнигсберге, состоявшейся 21–24 августа 1932 года

родских укреплений недалеко от Северного вокзала. В 1925 году в восточной ее части был открыт «Дом техники» (ныне торговый комплекс «Эпицентр»), предназначенный преимущественно для демонстрации достижений машиностроительной промышленности Германии.

Ярмарка имела универсальный характер, представляла самые разнообразные товары промышленного и сельскохозяйственного назначения и сопровождалась целым рядом специальных мероприятий, начиная от выставок породистого скота или летательных аппаратов и заканчивая экспонированием произведений изобразительного искусства и народных промыслов. Число посетителей ярмарки в середине 1920-х годов превышало 40 тыс. человек, а к концу 1930-х превысило 300 тыс. Кёнигсбергская Остmesse являлась второй после Лейпцигской официальной немецкой ярмаркой. Ее участниками помимо Германии были скандинавские и прибалтийские государства, центрально-европейские и некоторые другие страны. Но главная ставка делалась на необъятный советский рынок [8, д. 409, л. 66 – 67; 9, с. 234 – 235; 10, с. 3 – 4].

Россия впервые приняла участие в V Восточной ярмарке в августе 1922 года. Дирекция Остmesse делала все возможное, чтобы закрепить и расширить представительство на ярмарке Советского Союза. В 1922 году в Кёнигсберге был основан Экономический институт для сношений с Россией и восточно-европейскими государствами, который занимался обширной издательской деятельностью и специализировался на укреплении контактов с СССР [11]. В том же году совместно с Городским банком было учреждено общество «Германо-русский товарообмен» для предоставления участникам экономических связей товарных и денежных кредитов; в Москве на Арбате открылось постоянное представительство ярмарки. В Кёнигсберге на русском языке издавались три журнала («Восточно-Европейский рынок», «Восточно-Европейский лесной рынок» и «Восточно-Европейский земледелец»); к открытию выставки местные газеты выпускали печатные приложения, посвященные СССР; радио готовило специальные передачи, проводились многочисленные собрания, заседания, лекции о жизни в СССР; во время работы Остmesse проходили немецко-русские научные конференции и конгрессы. Делегатам из России немецкая сторона оплачивала проживание, страховку экспонатов и бесплатно предоставляла экспозиционные площади [8, д. 45, л. 27 – 28, 49 – 51 об., 64; д. 409, л. 84].

Эти усилия Ярмарочного комитета не пропали даром. Уже в 1923 году подготовленная Народным комиссариатом внешней торговли (НКВТ, Внешторг) экспозиция, представлявшая главным образом продукты сельскохозяйственного производства, заняла на ярмарке целый

павильон. В 1920-е годы в Кёнигсберг приезжали многочисленные делегации, состоящие из партийных и советских работников, посланцев разных союзных и автономных республик, в том числе Республики немцев Поволжья, представителей промышленных предприятий, научных и учебных заведений. По данным генконсула Г. К. Меерзона, на Остmesse в 1927 году приехали из СССР 60 человек, а в следующем году – уже сто [Там же, д. 45, л. 50].

На XVI Восточной ярмарке, которая состоялась 11 – 14 августа 1928 года, советская экспозиция экспортных товаров была размещена в «Доме техники» [12, с. 23]. Характеризуя значение Восточной выставки для СССР, Г. К. Меерзон писал 16 марта 1929 года в Наркомат по иностранным делам (НКВД): «Участие наше в ежегодных кёнигсбергских Мессах играет крупную роль в деле развития и углубления культурных связей между нашей страной и Восточной Пруссией» [8, д. 409, л. 50]. Не мог скрыть своего удивления и посетивший ярмарку в том же году высокопоставленный работник НКВД Н. Я. Райвид: «В Кёнигсберге чувствуешь себя действительно как бы среди друзей. Во всех выступлениях, посвященных Восточной ярмарке, больше всего места было уделено Советскому Союзу. В неофициальных разговорах кёнигсбергцы объясняют нам в любви» [13].

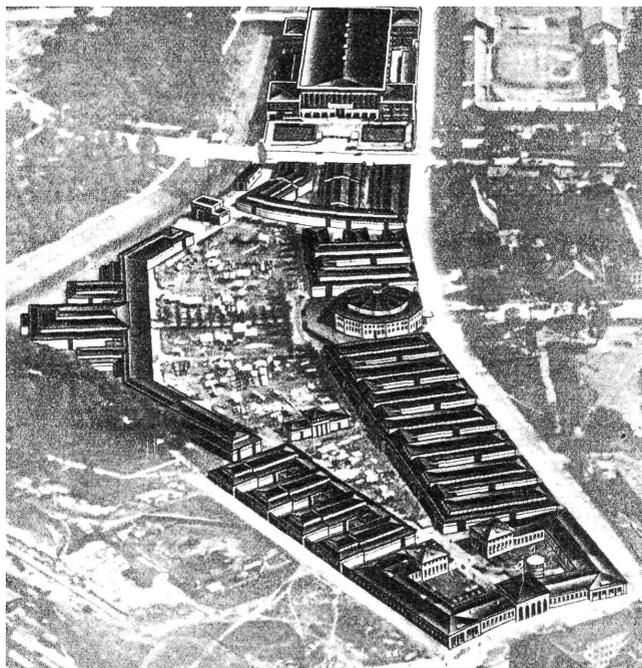

Рис. 2. Вид с птичьего полета XIX Восточной ярмарки в Кёнигсберге. 1931 год

Не все инициативы немецкой стороны находили поддержку. В начале 1929 года в советское консульство обратился профессор местной Академии искусств Герман Брахерт с предложением «организовать на предстоящей в Кёнигсберге художественной выставке советский отдел, для чего понадобилось бы небольшое количество картин, графических и скульптурных работ». Консул сделал соответствующий запрос в Москву и получил ответ, что «в виду перегруженности выставками предложение проф. Брахерта неосуществимо» [8, д. 45, л. 52]. Эта идея была реализована только во время Остмессе 1932 года, когда в Кёнигсберг из Москвы прибыли семь больших ящиков с картинами, изделиями народных промыслов и другими произведениями искусства. При этом именно картины русских художников были признаны лучшими из всех представленных на выставке [Там же, д. 409, л. 23, 44, 60, 63].

Советское генеральное консульство старалось использовать ярмарку для пропагандистской работы и распространения печатной продукции идеологической направленности, а также прилагало усилия для организации в рамках ярмарочных мероприятий выставок советского искусства, показа кинофильмов, распространения книг и т.п. [Там же, д. 2, л. 54; д. 3, л. 9; д. 409, л. 63, 94–95].

Как уже отмечалось, численность советской делегации на ярмарке из года в год росла едва ли не в геометрической прогрессии. В связи с этим в июле 1929 года заместитель председателя Совнаркома СССР Я. Э. Рудзутак затребовал отчет о целесообразности поездок больших групп чиновников в Кёнигсберг. В подготовленной для Совнаркома справке о «проделанной работе» говорилось, что в состав делегации входили 24 работника Наркомата земледелия, по 10 сотрудников Ленинградского сельскохозяйственного и Зоотехнического институтов, представители Сельхозснабжения, Госсельсиндиката, других наркоматов и ведомств, а также 30 студентов Тимирязевской академии. Продолжительность командировки составила 21 день, с 10 по 30 августа 1928 года. Советские делегаты ознакомились «со всем новым, что было в Германии в области сельскохозяйственных машин», осмотрев соответствующие павильоны ярмарки, и наметили то, что «может быть после проверки использовано в условиях СССР». Для советских представителей даже устроили наглядное испытание тракторов и других машин в полевых условиях в окрестностях Кёнигсберга. Затем они посетили Кёнигсбергскую сельскохозяйственную палату, Институт растениеводства, Молочно-хозяйственный институт и Мелиоративное бюро, познакомились с организацией счетоводства и ветеринарно-санитарного дела. Организаторы выставки провели также экскурсии на местные сельскохозяйственные предприятия: три племенных хо-

зьяства по разведению крупного рогатого скота, один свиноводческий комплекс, два крупных фермерских хозяйства и, наконец, оставивший самое сильное впечатление Тракененский государственный конный завод. Во время поездки в Эльбинг они побывали на крупнейшем в регионе предприятии по переработке молока и тракторно-автомобильном заводе. Особенно полезной признавалась поездка в Берлин с посещением столичных скотобоен. В целом участие в Остмессе характеризовалось как «весьма ценное», и в заключение выражалась надежда, что «эти экскурсии-командировки дадут еще больше пользы, если они будут проводиться систематически, из года в год» [14].

Рис. 3. Обложка журнала «Восточно-Европейский земледелец» с фотографией руководителей советской делегации на XXI Восточной выставке в Кёнигсберге. Август 1933 года

Участие СССР в Остмессе представлялось немецкой стороне столь важным, что после ярмарки 1931 года было решено оставить советский павильон в качестве постоянно действующей выставки при Кёнигсбергском Экономическом институте по изучению СССР. При этом, согласно донесению в НКВД от 23 февраля 1932 года нового генконсула Ф. В. Линде, «расходы по содержанию берет на себя Институт, в нашу обязанность входит пополнение этой выставки через каждые 3 месяца или полгода свежим материалом». Внешторг СССР поддержал это начинание, рассматривая выставку как своеобразный центр по распространению знаний о Советском Союзе, и выделил на эти цели 2400 марок в год [8, д. 409, л. 143].

Своего апогея участие Советского Союза в Остмессе достигло в начале 1930-х годов. С приходом к власти нацистов советско-германское сотрудничество во всех областях стало свертываться. НКВД не решился аннулировать соглашение с Ярмарочным комитетом на 1933 год, однако вопрос о будущем советского павильона стал предметом оживленной дискуссии в различных ведомствах. Сотрудники Всесоюзной торговой палаты (ВТП) подготовили секретный доклад, в котором прямо признавалось: «В коммерческом отношении ярмарка для нас представляет весьма незначительный интерес. Участвовали мы больше по мотивам экономико-политического характера... Интерес со стороны широких масс населения к нашей выставке был весьма значительный...» [15, д. 502, л. 12–13]. В июле 1934 года политбюро ЦК ВКП(б) постановило «считать ненужным наше участие» в Кёнигсбергской ярмарке [16, д. 948, л. 2].

Решение высшего партийного руководства сохраняло свою силу в течение следующих пяти лет, однако с заключением в 1939 году советско-германского пакта о ненападении, а затем и договора о дружбе разорванные ранее связи стали стремительно восстанавливаться. Весной 1940 года по инициативе гауляйтера Восточной Пруссии Э. Коха состоялись переговоры об открытии на очередной Остмессе нового советского павильона. В марте 1940 года дирекция ярмарки и обербюргермейстер Кёнигсберга направили советскому послу в Берлине А. А. Шкварцеву официальное приглашение СССР принять участие в XXVIII Германской восточной ярмарке, которая должна была состояться в середине августа [15, д. 2478, л. 8]. Прибывший на переговоры с советским послом А. А. Шкварцевым в Берлин директор ярмарки Ганс Ионас апеллировал к тому факту, что «СССР всегда и раньше, за исключением периода натянутых советско-германских отношений, был представлен в самом широком объеме на выставке в Кёнигсберге». Он также подчеркнул, что столица Восточной Пруссии «является важным центром на пути советско-германской торговли» [17, с. 239–240].

Рис. 4. Дом техники — главный павильон Остmesse. 1930-е годы

Вопрос об участии в ярмарке был рассмотрен на заседании политбюро ЦК ВКП(б) 28 июня. В это время Сталин изо всех сил стремился демонстрировать лояльное отношение к своим новым нацистским друзьям. По его указанию для оборудования советского павильона Наркомвнешторгу было выделено 240,5 тыс. рублей в советской валюте и еще 36,5 тыс. германских марок [16, д. 929, л. 19]. До открытия выставки оставалось менее полутора месяцев, вот почему подготовку советской экспозиции пришлось вести в авральном порядке, этим занимались ВТП и 11 всесоюзных экспортных объединений.

Для размещения экспонатов был арендован зал площадью 400 кв. метров с дополнительными подсобными помещениями в павильоне №5 (ранее он традиционно отводился под экспозицию вольного города Гданьска, захваченного к этому времени гитлеровцами). Зал представлял собой «деревянное одноэтажное помещение летнего типа, который сообщался с другими залами общим коридором». Тиражом 20,4 тыс. экземпляров в Германии был отпечатан — с большой переплатой из-за срочности — проспект по советскому павильону. Грузы стали поступать в Кёнигсберг с 6 августа, а таможенный досмотр, на который ушло два дня, производился прямо в павильоне. Таможенники «осмотрели тщательным образом все, что было прислано на вы-

ставку, причем каждая деталь стендов была записана и взвешена на весах». Оказалось также, что часть стендов сделана на 20–30 см выше, чем позволяла высота помещения – их пришлось подпилить. Оформление работой занимались специалисты Берлинского торгпредства СССР и специально нанятый местный художник [18, оп. 1, д. 119, л. 40–43].

XXVIII Остmesse призвана была продемонстрировать выдающиеся успехи восточнопрусской экономики, прежде всего сельского хозяйства. Однако, по наблюдениям специалистов, в противоположность прошлым годам на этот раз индустриальная часть явно преобладала: территория ярмарки в основном была занята немецкими предприятиями, которых насчитывалось около двух тысяч. Кроме того, собственные павильоны представили как союзники Третьего рейха и порабощенные нацистами страны, так и некоторые нейтральные государства: Болгария, Венгрия, Греция, Иран, Италия, Китай и Манчжоу-Го, Норвегия, Румыния, Словакия, Турция, Финляндия, Швеция, Югославия, Япония. Свои экспозиции имели и такие «географические новости», как Протекторат Чехия и Моравия и Генерал-губернаторство (Польша).

Рис. 5. Почтовая марка, выпущенная к открытию XII Остmesse

Еще с тремя непременно участниками ярмарки вышел конфуз: Литва, Латвия и Эстония буквально за несколько дней до открытия выставки, 3—6 августа, были «приняты в братскую семью советских народов». Оргкомитет нашего павильона пребывал в панике: к стендам двенадцати союзных республик, которые открывали всю советскую экспозицию, требовалось срочно прибавить еще четыре (четвертой была Молдавия), выполненных в едином стиле, однако на это не хватало ни места, ни времени, ни материалов. Поэтому, как объяснил комиссар Решетов, «пришлось ограничиться установкой двух симметрично расположенных стеклянных стоек в металлической оправе, на которых были приведены выдержки из решения сессии Верховного Совета СССР о четырех новых республиках» [15, д. 2478, л. 78; 18, оп. 1, д. 119, л. 43—44].

Сохранившиеся в архивах описи экспонатов позволяют представить содержание советской экспозиции, а вместе с тем и экспортный потенциал нашей страны.

Выставка открывалась «Вводным разделом», сплошь заполненным пропагандистскими материалами, таблицами и диаграммами. Единственным ярким пятном здесь была карта полезных ископаемых СССР. А далее по кругу располагалось несколько отраслевых экспозиций.

Раздел «Зерно и корма» представлял различные сорта зерновых, коллекцию вин и крепкие напитки, папиросы, чай, сахар, конфеты и другие продукты питания. Именно этот стенд — как сказано в итоговом отчете, «по вполне понятным причинам» — вызвал наибольший интерес посетителей. Сельское хозяйство было представлено также животным и растительным сырьем в богатом ассортименте: лен, хлопок, волокна, кишки, конский волос, щетина, пух и перо, табак, лекарственные травы, эфирные масла. Довольно непрезентабельно выглядела продукция «Экспортлеса» со штабелями бревен и досок.

Зато поражал своим богатством раздел «Пушнина» с первоклассными мехами и меховыми изделиями, достоинства которых в любое время дня бойко обсуждались пестрой толпой немецких фрау и фройлен. Не меньшим успехом пользовались ковры и изделия народных промыслов — палехские шкатулки, федоскинская миниатюра, хохломская роспись и прочее, среди которых бросались в глаза большие тарелки с выполненными в «народном» стиле портретами товарищей Сталина и Молотова.

К стендам, рекламирующим полезные ископаемые СССР, трудно было подойти: проход загораживали мешки с асбестом и костяным углем. Далее на фоне панорамы города Баку показывались сорта нефти, бензина, масел и другая продукция. При этом занимавший центральное положение макет нефтяной вышки был изготовлен чуть ли не в

натуральную величину и «оказался настолько высоким, что показатели о добычи нефти за последние годы в СССР уходили к самому потолку». Экспозицию «скрашивала только витрина драгоценных камней» с горным хрусталем и великолепными изумрудами.

«Интурист» представил плакаты и диапозитивы с видами СССР, а центральную часть раздела занимала панорама Сельскохозяйственной выставки в Москве. Учитывая профиль раздела, довольно странно выглядело отсутствие надписей на немецком языке. Объединение «Международная книга» выставяло печатную продукцию, при этом в отчете отмечено халатное отношение к отбору книг, среди которых оказались запрещенные в Германии произведения, в том числе «Манифест коммунистической партии». На большом стенде «Союзинторгино» рекламировались отечественные фильмы («Ленин в 1918 году», «Петр Первый», «Моряки», «Подкидьш», «Минин и Пожарский» и др.). Хотя здесь надписи по-немецки присутствовали, но их разместили «почти у самого пола, что являлось неудобным для чтения и не всегда было заметным» [18, оп. 1, д. 118, л. 1–12; д. 119, л. 44–47].

Рис. 6. Афиша XXV Восточной ярмарки. 1937 год

В целом советский павильон оказался явно перегружен «наглядной агитацией» – разного рода графиками, таблицами, диаграммами и плакатами, долженствующими показать достижения первого в мире государства рабочих и крестьян.

В первый день работы выставки 11 августа советский павильон посетили министр экономики Германии Вальтер Функ, министр финансов Шверин фон Крозиг, гауляйтер Восточной Пруссии Эрих Кох и директор выставки Ганс Ионас. Экскурсию для них проводил прибывший из Берлина советский посол в Германии А. А. Шкварцев. После ознакомления с экспонатами «министрам преподнесены были подарки (изделия «Палеха», вино, папирсы)».

«Число посетителей в советском павильоне, – записал в своем дневнике посол Шкварцев, – было значительно больше, чем в павильонах других стран. Проспекты "Интуриста" об СССР, о Сельскохозяйственной выставке в Москве, о Москве были разобраны в очень корот-

кое время. По всем внешним признакам советский павильон пользовался большим успехом. Большое число записей в Книге отзывов свидетельствует о глубоких симпатиях к СССР, скрытых в германском народе» [17, с. 522–524].

На состоявшемся в тот же день торжественном приеме и последовавшем затем банкете Э. Кох заявил, что советский павильон на ярмарке «свидетельствует о почти неограниченных возможностях, открывающихся после заключения между СССР и Германией экономического договора¹» [19]. Выступивший с ответным словом советский торгпред в Германии Е. И. Бабарин также указал, что участие СССР в ярмарке не случайное событие и «наши добрососедские отношения обусловлены не конъюнктурой, а основываются на важных государственных интересах» [15, д. 2478, л. 5]. А посол А. А. Шкварцев произнес прочувствованный тост за здоровье организаторов выставки, вождей нацистской партии и персонально за здоровье гауляйтера [17, с. 522–524].

По словам работников советского павильона, он «пользовался исключительным успехом», посетители интересовались не только товарами, но «также много расспрашивали о жизни Советского Союза». За четыре дня павильон посетили 325–330 тыс. человек, то есть около 90 % всех пришедших на ярмарку. В книге отзывов было оставлено «много положительных записей», правда, встречались и «отдельные немногочисленные записи контрреволюционного содержания», а среди экспонатов неизвестные попытались «распихать» антисоветские листовки «Союза украинского народа» [18, оп. 1, д. 119, л. 47–48].

В отчете об итогах работы комиссара советского павильона Решетова наркому А. И. Микояну от 15 октября 1940 года отмечалось, что на проведение выставки истрачено 25 979,74 рейхмарок, то есть смета была исполнена с экономией; перерасход традиционно давала лишь 10-я статья – «содержание соваппарата». «Поставленная перед выставкой задача в деле пропаганды успехов как народного хозяйства СССР, так и культуры, – говорилось в заключение, – была успешно выполнена. Выставка способствовала делу объективного ознакомления народов Германии с Советским Союзом» [Там же, л. 49–51].

Скромнее выглядели коммерческие результаты проведенного «мероприятия»: не было подписано ни одного контракта. Более того, служащие Берлинского торгпредства «забыли» своевременно получить у германских властей разрешение на продажу экспонатов, как это сделали другие страны. Наш дипломат в Берлине С. И. Бродовский, оценивая работу торгпредства, как-то довольно язвительно за-

¹ Здесь имеется в виду советско-германское экономическое соглашение от 11 февраля 1940 года.

метил, что немцы убеждены: мы здесь ничего не продаем и ничего не покупаем, а «только голову дурим с единственной целью замаскировать нашу пропагандистскую работу» [15, оп. 2, д. 1437, л. 50]. Пожалуй, такие слова можно было сказать и по поводу участия СССР в Кёнигсбергской восточной ярмарке.

Список литературы

1. «Описание Кёнигсберга» 1785 г. русского консула Ивана Исакова / публикация Ю.В. Костяшова // Калининградские архивы. Калининград, 2000. Вып. 1.
2. Сборник сведений по департаменту торговли и мануфактур. Консульские донесения. СПб., 1880. Т. 1.
3. Консульские донесения. СПб., 1889. № 63.
4. Краткий обзор донесений императорских российских консульских представителей за границей за 1914 год. Пг., 1915.
5. Немирович-Данченко Вас. И. По Германии и Голландии: Путевые очерки и впечатления. СПб., 1893.
6. Техническое оборудование Кёнигсбергского порта // Восточно-Европейский Земледелец. Кёнигсберг, 1926. № 2 (19).
7. Документы внешней политики СССР. М., 1961. Т. 5.
8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5283. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. Оп. 6.
9. Гаузе Ф. Кёнигсберг в Пруссии: История одного европейского города. Реклингхаузен, 1994.
10. Кёнигсберг — город восточно-европейских ярмарок. Б. м., [1924].
11. Восточно-Европейский рынок. Орган Экономического института для сношений с Россией и граничащими с Германией восточно-европейскими государствами и Германской восточной ярмарки в Кёнигсберге (Пруссия). 1923. № 9. С. 4.
12. СССР на 16-й Восточно-Европейской ярмарке в Кёнигсберге // Восточно-Европейский земледелец. 1928. № 9. С. 23.
13. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0165. Посольство СССР в Германии. Оп. 8. П. 147. Д. 299. Л. 34.
14. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5446. Совет министров СССР. Оп. 74. Секретариат Я. Э. Рудзутака. Д. 12. Л. 113а–115.
15. Российский государственный архив экономики. Ф. 413. Министерство внешней торговли СССР. Оп. 13.
16. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 3.
17. Из дневника полномочного представителя СССР в Германии А. А. Шкварцева // Документы внешней политики. М., 1995. Т. 23. Кн. 1.
18. Российский государственный архив экономики. Ф. 635. Торгово-промышленная палата СССР.
19. Königsberger Tageblatt. 1940. 12 Aug.

**ФИЛОСОФСКИЕ
СТРАНИЦЫ**

На фоне прочих русских историсоффов случай Мережковского кажется особым не столько из-за любви к построению почти детективных нарративов (религиозное историописание имеет к подобным сценариям естественную склонность), сколько потому, что грань между литературой, философией и историей в его случае стирается начисто.

В. Павлийтис